

В.Н. ДРУЖИНИН

ВАРИАНТЫ ЖИЗНИ

Из книги «Варианты жизни», 2000 г.

Фантазии, иллюзии и видения помогают человеку выжить, точнее прожить отрезок времени до отведенного ему случая и генетикой срока. А поможет ли ему истина о его жизни? Ничто не волнует человека, как его собственная судьба. Пророки, прорицатели, прогнозисты и гадалки собирают дань с человеческой тревоги и боязни преждевременной смерти.

Личность человеческая соотносится не со своим поведением, деятельностью и т. д., а со своей жизнью и судьбой, которую не всегда можно выбрать, но каждому рожденному дано прожить. Если человек каждое мгновение будет держать в сознании мысль, что он смертен, захочет ли он жить? И для чего нужна наука об индивидуальной жизни?

Экзистенциальная психология — наука о том, как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти...

В отличие от экзистенциальной психотерапии экзистенциальная психология не помогает жить, а описывает и объясняет жизнь. Помогает ли «пассивное» знание человеку? В той мере, в какой его индивидуальное со-

знание является достаточным инструментом для управления собственным поведением и, соответственно, построения собственной жизни.

Во всяком случае, перефразируя Карла Маркса, я бы сказал, что психологи до сих пор пытались изменить человеческую жизнь, между тем как задача состоит в том, чтобы ее объяснить. Зная причины и воздействия на них, можно изменить и следствия, но не отменить. Как нельзя силой воли преодолеть земное притяжение...

Предположения

Я предполагаю, что существуют независимые от индивида, изобретенные человечеством и воспроизводимые во времени варианты жизни. Вариант жизни формирует человеческую личность, «типизирует» ее. Индивид превращается в представителя «жизненного личностного типа». «Типичный представитель» — не выдумка советских литературоведов, а реальность. Итак, индивид «входит» в жизнь, включается в тот или иной вариант жизни со своими способностями, темпераментом, характером,

а «выходит» — типизированной личностью. Возможна смена варианта жизни в зависимости от обстоятельств или сходства вариантов между собой. И последнее: Жизнь — одна, человек — смертен.

Жизнь начинается завтра (Жизнь как предисловие)

Это вечное детское состояние. Настоящая жизнь — взрослость — еще только предстоит. Она, как горизонт,— удаляется с каждым шагом (днем, месяцем, годом). И когда впереди уже чернеет пропасть, мы останавливаемся в растерянности: время прошло. Ты готовился к настоящему, подлинному существованию, но дорога уже пройдена, а обратного пути нет. Жизнь потрачена на подготовку к ней. Поговорка «Век живи — век учись» обернулась в XXI веке формулой «непрерывного образования»...

По мере развития цивилизации срок вступления в подлинную жизнь все дальше отодвигается от даты рождения к старости. Система социального продвижения личности создана для того, чтобы скомпенсировать биологическую инволюцию его как организма. Чем ближе человек к старости, тем больше у него должно быть социальных возможностей, иначе жизнь становится невыносимой, а болезни и годы делают свое дело.

Оптимальное сочетание психофизиологических и социальных возможностей для самореализации сегодня приходится на возраст 35–45 лет (возраст «акме»)..

Бунт молодых середины 60-х годов против «власти стариков», потрясший Западную Европу и Северную Америку не был обусловлен

только дурным воспитанием и молодежной жаждой бунта. Тяга молодежи включиться как можно раньше во «взрослую жизнь» всегда использовалась политическими проходимцами и авантюристами, а иногда и правящей верхушкой для решения своих проблем. Пример первого типа — российская «Великая Октябрьская социалистическая революция». Пример второго типа — «культурная революция» в маоистском Китае.

Ярким примером длительной «тренировочной жизни» является становление научного работника. До 17–18 лет он обучается в средней школе. Затем следует обучение в вузе, которое охватывает в зависимости от страны пребывания, программы вуза и вида специальности период от 3.5 до 8 и более лет. Выйдя в 21–27 из стен вуза, специалист может претендовать в лучшем случае на вспомогательную работу в научной лаборатории. Чтобы стать полноценным научным сотрудником, он должен поступить в аспирантуру и, проучившись там 3–4 года, защитить кандидатскую диссертацию (на Западе — докторскую). Однако и это еще не все: окончивших аспирантуру и защитивших диссертацию много, а уровень трудности научной деятельности, вероятно, настолько высок, что в США и ряде стран Европы существует институт постдокторантуры — стажировки (2–3 года) под руководством профессора в научной лаборатории. После ее завершения исследователь становится полноценным «ученым». В России до сих пор существует двухступенная система оценки квалификации научных работников, и не случайно первый уровень называется кандидатским. Кандидат — не

Крестьянских праведных кровей
Течет во мне тугая сила,
Но след фамилии своей
Ищу в истории России:

Один Дружинин — генерал,
Увешанный крестами густо,
Другой Дружинин — либерал,
Ревнитель чистого искусства.

Не каждый вознесен судьбой,
Но каждый — вечный был
работник:
Тот — академик, тот — герой,
Дед — мореплаватель,
Я — плотник.

*Вручение премии Президента РФ за комплекс исследовательских работ по теме
«Отечественное направление в психологии творчества и одаренности:
теоретические и методические основы выявления и развития одаренности», 1999 г.*

настоящий ученый («доктор»), а лишь полуфабрикат, неподлинный ученый. Разумеется, если принимать всерьез средневековую систему так называемой аттестации научных работников.

Чин служит компенсацией отсутствия талантов. Премии и звания в сфере искусства, как правило, присуждаются после того, когда пик творчества уже прошел и телега движется под гору. И дело не только в запоздалой оценке по заслугам, когда «награда находит своего героя». Оценка была и прежде: аплодисменты, цветы, популярность у публики. Суть в том, насколько важную роль играют социальные компенсаторы утраты творческих возможностей: они придают личности психологическую устойчивость. Поэтому, чем быстрее иссякает творческий потенциал, тем больше жажда наград и званий...

Продление подготовки к настоящей жизни приводит к деформации личности: не только той, чью «молодость» продлевают, но и тех, кто активно этому продлению способствует. Не забуду фразу академика, моего научного руководителя, сказанную мне — тридцатилетнему кандидату наук: «Вот когда станешь самостоятельным человеком — доктором, тогда и выбирай себе научные темы».

На чем основана субъективная модель мира, в которой жизнь расценивается как подготовка к ней? Мне кажется, на гипертрофии способности человека строить определенный прогноз и идеальные планы будущего.

На гипертрофии неконтролируемой человеческой агрессивности произрастает война как деятельность по самоуничтожению человека. Эсха-

тологические религии, учения, обещающие своим adeptам рай за пределами времени земной жизни, произрастают на почве неоправданного оптимизма и гипертрофированной способности человека к дальнему прогнозу и стремлению к индивидуальному бессмертию. Земная жизнь, единственная и неповторимая, рассматривается как юдоль страданий, как подготовка к иной жизни, более совершенной, войти в которую достойны не все, а лишь избранные.

Христианин готовит себя не к смерти, а к райской жизни за пределами жизни земной, которая рассматривается как неподлинная, ненастоящая, а предшествующая жизни грядущей. Потому идеалом становится терпение и страдание, ибо нельзя иначе отнестись к земной жизни, которая — лишь приходящая, а за ней прекрасные залы райского блаженства.

Такая трактовка индивидуального бытия предрасполагает человека завершить свою земную, грешную жизнь как можно раньше — «экстерном». Модус земной жизни как предисловия, подготовки к истинной жизни — основа для отрицания необходимости своей жизни вообще. Нет лучшего психологического обоснования для самоубийства, ибо в христианстве только смерть отделяет «жизнь предварительную» от «жизни настоящей» — в райских кущах. Прекращая свою жизнь, мы завершаем подготовительную ступень.

Поэтому христианство отрицает право на самоубийство, поэтому отцы церкви извергают инвективы, осуждающие людей, решившихся на последний акт отчаяния, ибо он явно вытекает из сути христианского подхода к жизни.

Самоубийц хоронили за пределами церковной кладбищенской ограды, обоснованием служили упреки в присвоении ими божественного права даровать и отнимать жизнь. Только Бог имеет право творить и уничтожать тварные существа. Считать себя равным Богу есть высшая гордыня, осуждаемая церковью. Ощущение и осознание единственности жизни повышает требования к ней и себе, возрастает оценка значения своего существования «здесь и сейчас».

Но давление этой реальности на индивидуальную психику настолько велико, что оно ведет к трагическому мировосприятию. Жажда бессмертия стихийна и неосознанна. Ее корни в крайней ограниченности времени, отпущенного природой на индивидуальную человеческую жизнь, по сравнению с огромными ресурсами для творчества, заложенными природой и обществом в человеке. Давление этих ресурсов сковано стальной оболочкой возможностей, которые предоставляет индивиду мир.

Время, отведенное природой на биологическое взросление, а обществом — на образование и социализацию индивида велико по сравнению с краткой жизнью. Образом любого человека становится космонавт первого поколения, который тратит большую часть жизни на подготовку к единственному полету.

Жизнь как творчество

Смерть неизбежна. Жизнь лишена смысла. У творческого человека есть возможность не замечать бессмысленность существования...

Процесс и продукт творческой деятельности не вписывается в «со-

циальную статику». По крайней мере, если общественные структуры направлены на сохранение status-quo, они выступают главными врагами творца. Любая власть есть возможность заставить людей делать то, что они никогда не стали бы делать, если бы были предоставлены сами себе. Следовательно, власти изначально противны частная инициатива и воля к действию, исходящая от личности.

Наиболее не любимы властью поэты. Слово является главным инструментом власти. Причем власть тоталитарная соединяет насилие физическое с духовным, подкрепляя право на власть идеологией. Она желает, чтобы ей не только повиновались, но и верили, чтобы ее не только боялись, но и любили. Тоталитарная власть желает быть единственной, а ее идеология — единственным толкователем значений слов.

Поэт как творец новых сочетаний слов, ритмов и смыслов пытается (и ему это удастся) привлечь внимание читателя и слушателя. Он становится источником слова и его толкователем, что с позиций любой власти предосудительно. Но, более того, поэт забавляется со словом и смыслом, он выявляет новые оттенки смысла, создает новые реальности, играет «смехом и слезами».

Однозначность подменяется многозначностью, императивность — необязательностью, простота — сложностью, а безусловность — условностью. Любой приказ может быть осмыслен как пародия, а идеологема на фоне стихотворения читается как трюизм.

Итак, поэт виновен в двух преступлениях: он претендует на внимание

людей наравне с Властью (по крайней мере), он конкурирует с Властью как творец и толкователь слов и смыслов...

«Внешняя жизнь» конечно, ибо человек смертен (верх банальности!). А «внутренняя жизнь»? Время внутренней творческой жизни иссякает вместе с исчерпанием творческого потенциала личности. Завершение творчества, когда источник мыслей и образов пересыхает, ведет к завершению внутренней жизни, а с этим не каждый творец способен смириться. Не в этом ли причина ранней смерти художников, поэтов, артистов, музыкантов? Превосходный анализ проблемы жизни и смерти творческих людей дал М. Зощенко в книге «Перед выходом солнца». Другой выход — вернуться в «жизнь внешнюю». И Джон Леннон становится отцом семейства, на годы скрываясь от продюсеров и поклонниц. Артюр Рембо уезжает в Африку и становится торговцем. Выдающийся физик ведет жизнь тихого дачника, выращивая гладиолусы и помидоры, а талантливая в прошлом актриса открывает маленький шляпный магазин...

Погоня за горизонтом (Жизнь как достижение)

«Самоактуализирующаяся личность», «человек действия», «деловой человек», «человек, сделавший себя», и т. д. — это неполный перечень названий и самоназваний людей, которые выбрали путь «внешней жизни». Человек, стремящийся к достижениям, навязывает себя окружающему миру: ведь любая цель лежит вне его. Цель как предполагаемый и желаемый результат действия требу-

ет постоянного напряжения сил. Достижение цели обесценивает ее, и на горизонте маячит новая, еще более привлекательная цель. Жизнь становится погоней за горизонтом.

Вся психология построена на фундаменте функционализма: психика служит для регуляции поведения, которое направлено на достижение результата. Человек приходит в мир, чтобы решать в нем свои задачи. Пафос активности, преобразования: «Все выше, выше и выше!» — порождает слепоту...

Обычный «человек действия» так поглощен деятельностью, что не замечает жизни в бытовом, общечеловеческом понимании этого слова. Рыбалка и выпивка, воспитание детей и субботние выезды на дачу или в лес, занятие спортом или сексом, любовь и забота о близких — лишь перерывы, пустоты между деловыми, социальными успехами и неудачами. Депрессия выходного дня — болезнь «трудоголика», хотя слово «трудоголик» не отражает сути личности, поглощенной делом и погоней за целью.

Другая иллюзия «бессмертия» — продолжение личности в продуктах деятельности, потомках, выращенных деревьях, построенных домах, написанных книгах. Подсчет удач и успехов, ощущение «не зря прожитой жизни», сознание личного бессмертия в результатах труда утешает. «Памятник» Горация — Державина — Пушкина (добавлю — Бродского) выражает эту врачующую душу иллюзию.

Здания рушатся; вопреки фразе Булгакова, рукописи горят, древние картины (большинство) пылятся в запасниках и постепенно через десятилетия и века уходят из актуального

сознания людей, из системы активного культурного человеческого обмена, приобретают лишь музейную ценность....

Еще один вариант человека, реализующегося во внешнем действии — «самоактуализирующаяся личность» по Абрахаму Маслоу. Самоактуализация по Маслоу есть образ жизни, основанный на стремлении человека стать тем, кем он может стать: «Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» (Maslow A.H. *Motivation and personality*. New York: Harper and Row, 1987, p. 22).

Самоактуализирующиеся личности наделены, согласно Маслоу, массой «положительных» черт. Они более спокойно воспринимают мир вокруг себя, менее эмоциональны и более объективны, беспристрастны, не подвержены надеждам и страхам, стереотипам, не боятся проблем и противоречий. Самоактуализирующийся человек принимает себя таким, какой он есть. У него нет чувства вины, стыда и тревоги. Он ощущает радость жизни. [Он освободил себя «от такой химеры, как совесть». Ну и мерзавец этот «самоактуализирующийся» человек! В.Д.]

И все же я был бы несправедлив по отношению к Маслоу (хотя этот великий психолог ничего не теряет и не приобретает в глазах окружающих из-за моих оценок!), если бы не отметил главное. Тип самоактуализирующейся личности не сводим к типу «человека-действия»: самоактуализация не есть только целедостижение, но в первую очередь — реализация возможностей «здесь и теперь», в настоящем, а не где-то в будущем. В этом отношении самоактуализация как вари-

ант жизни противоположна «жизни-целедостижению». Все же «человек действия» живет предчувствием будущего успеха, а не ощущением полноты бытия в настоящем. Кроме того, актуализация противоположна и другому варианту жизни, который был определен выше как «жизнь-подготовка»...

Половина этого мира, эйнштейновского пространства-времени, принадлежит «людям действия». Не приемлющие вариант «жизнь-целедостижение» становятся аутсайдерами и с обочины взирают на несущийся поток «Мерседесов».

Если бы среда не препятствовала людям, стремящимся к достижениям, то земля превратилась бы в пустыню, на которой бы громоздились горы трупов и машин. Возможно, среди них бродили бы одичавшие роботы.

«Жизнь-целедостижение» не является любимым мной вариантом существования. И я не хочу это скрывать. Суть не в том, что человеку не следует добиваться достижения целей, а в том, что большинство из этих целей иллюзорны. Они являются проявлением человеческого бессознательного. Цели, наиболее отдаленные во времени, — наиболее иррациональны и требуют максимальных сил для достижения. Иллюзия полной контролируемости мира в целом и процесса собственной жизни (а для параноика — и любой чужой) — эта иллюзия принесла много бед и немало принесет еще.

Жизнь есть сон

В заглавии — название драмы великого испанского драматурга Кальдерона.

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

Это уже Вильям Шекспир, который неоднократно возвращался к аналогичным мыслям. Например, в Гамлете: «Умереть, забыться и видеть сны». Жизнь есть сон, и смерть — тоже сон. Поток времени подхватывает человека и несет его, не давая ему прозреть и открыть глаза на происходящее. Треть своей жизни мы спим. И для многих людей эта треть — самая лучшая.

Чем старше человек, тем время, необходимое ему для сна, меньше. Стариковская бессонница — дело обычное, а бессонница в среднем и, тем более, в молодом возрасте расценивается как болезнь. Люди идут к невропатологу или психотерапевту, принимают таблетки и лежат на кушетке у психоаналитика, чтобы вернуть здоровый, счастливый сон. Значит, вопреки обыденному суждению, смерть не сон, а отсутствие сна! С потерей сна и сновидений мы приближаемся к смерти. Сон — это жизнь, может быть, первичная и самая основная ее форма...

Что такое «жизнь-сон»? Это ощущение нереальности «внешней» жизни и одновременно ощущение реальности единственно желанной «внутренней» жизни. Но в отличие от «жизни творческой» здесь у человека отсутствует стремление к порождению нового (идеи, образа, формулы, текста, предмета и пр.), сознание исчезает полностью, и отсутствует внутренняя активность.

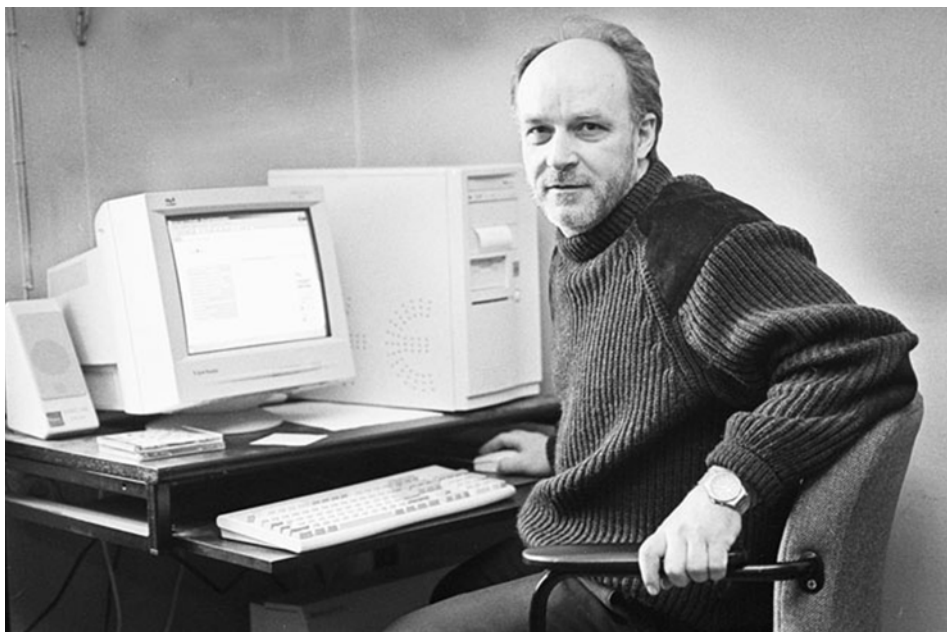
Идеалом «человека — спящего» (термин предложен эзотериком Г.И. Гурджиевым) является вечный,

спокойный сон, блаженство, нирвана, когда желания отсутствуют, душа и тело спокойны и находятся в равновесии с миром. Но в реальности этот идеал недостижим, по крайней мере без особых тренировок, и поэтому человек стихийно впадает в состояние измененного сознания и грезит наяву. Лишь чувствительные ушибы — результаты жесткого соприкосновения с «внешней жизнью» — заставляют его открыть глаза.

«Жизнь-сон» — желанный вариант для всех, чей груз бед, трудов и забот неподъемен. Когда «земля похорон и потерь» (А. Тарковский) становится неудобной, тогда человек выбирает «жизнь-сон». Это не приближение к смерти, наоборот, это приближение к простейшим формам бытия, возврат к детству, стремление вернуться в мир, где не было проблем, боли, тревоги, а были и покой, и блаженство.

Уход в мир иллюзий (сегодня сказали бы — «виртуальный») — не так уж редко встречающийся вариант бытия. Термин «жизнь как сон», предложенный мной, следовало бы заменить более точным: «жизнь как грезы» или «жизнь как видение». Сон можно расценивать как обычное измененное состояние сознания, но склонность к переживанию состояний измененного сознания выходит за пределы желания «впасть в сон». Подростки-наркоманы характеризуют эти стремления как желание «улететь», а эффект — как «улет»...

Есть гораздо более мощные средства превратить жизнь в грезу, в мир воображения — информация. Список этих внешних средств преобразования жизни огромен: книги (художественная литература, а точнее, fiction),

В.Н. Дружинин, 2000 г.

Источник метафор

Регулярный посетитель очередей,
Я привык к разнообразию людей:

К ватникам, джинсам «Врангель»
И к скандалам любого ранга.

Постепенно человеческое тело
Становится похожим на свое дело.

Поэтому старушки в очередях
напоминают мне тяжелые
Хозяйственные сумки,
А продавцы похожи
На туго набитые кошельки.

телевидение, кино и видеофильмы, музыка (в записях на кассетах или CD), компьютерная «виртуальная реальность» (в первую очередь — «мировая паутина»).

Легче понять, зачем пишутся книги, чем осознать, зачем они читаются. Текст есть материал для создания читающим собственной субъективной реальности — динамичной системы образов эмоций, мыслей, возникающих в ходе понимания текста и исчезающих после прочтения.

Любое чтение — создание некоего искусственного мира, любая книга — зашифрованный субъективный мир, созданный писателем. Но только чтение взахлеб, «запойное» чтение является вариантом ухода в «мир грез». Когда чтение предпочитается всем другим занятиям, индивид зачастую равнодушен к содержанию, кроме одной составляющей: лишь бы книга могла возбудить его воображение и помочь ему уйти в мир грез. Речь идет не о чтении эстета, знатока литературы или человека, ищущего полезную информацию («книга — учебник жизни»). Я говорю о чтении как способе ухода от действительности во внутреннюю жизнь, жизнь собственных фантазий. Фантастика и фэнтези, исторические и «любовные» романы, детективы и даже мемуары (в них не больше правды, чем в детских сказках), до нашей эры — мифы, после наступления средневековья — легенды и сказания — все разжигает воображение, как дрова в пламя костра.

Чем менее книга художественна, чем менее в ней выражен прием, оригинальный стиль автора, тем более подходит она для создания мира собственных грез, ибо, как рисунок в проективном тесте, упрощенный

текст облегчает движение собственной фантазии, побуждает читательские «вариации на тему». XVIII, XIX и начало XX — это были века больших поэм и больших романов, многочасовых оперных постановок и бесконечных пьес. Книга была единственным внешним информационным средством для стимуляции фантазии. «Книжные» юноши и «книжные» девушки бродили по аллеям дворянских парков, сидели на верандах купеческих дач и пребывали в мире собственных грез.

Для такого «массового» читателя и пишет «массовый» писатель. В конце концов, в растиражированных шаблонах для создания субъективных образов и переживаний нет ничего плохого. По крайней мере их действие не столь разрушительно для психики, как действие алкоголя и наркотиков (не говоря о физиологическом воздействии последних)...

Жизнь по правилам

Есть люди, которые все делают правильно. Значит, на свете есть «правильная жизнь», то есть жизнь по правилам, которые кем-то когда-то для кого-то изобретены.

«Не учите меня жить!» — кто из нас не говорил этих слов более опытным и старшим. Нас наставляли, желали самого лучшего и зачастую — напрасно. Мир запретов и предписаний, табу и приказов создан людьми, сочиняющими правила, для людей, правила выполняющих. Одни без других просто не могут существовать.

Однако правило — не произведение искусства или научное открытие. Оно анонимно и общепризнано, безлично и универсально. Нельзя

сказать: «Я придумал это правило для тебя». Правило — всегда одно, ни от кого и для всех.

Жизнь, подчиненная правилу, регламенту, ритуалу, внешнему сценарию чрезвычайно удобна: не нужно строить планы и думать о своих перспективах или сомневаться. Человек избавлен от бремени выбора: в каждой ситуации он знает, как поступать, а если не знает, то ему подскажут знающие и авторитетные люди. Жизнь разделяется на «регламентированную» и «нерегламентированную» составляющие, причем последняя занимает все меньшую и меньшую долю. Существование человека максимально упрощается, поскольку требуется немного, а именно — знать о существовании правил, заучить правила и безукоризненно их исполнять...

Рождение, младенчество, ясли, детский сад, школа, прием в октябрята, в пионеры, вступление в комсомол, окончание школы, поступление на учебу в вуз, в техникум, ПТУ, служба в рядах Вооруженных Сил СССР (для здоровых молодых людей, кто не сумел «закосить»), работа, женитьба или замужество, рождение детей, получение квартиры, вступление в члены КПСС (для тех, кто хотел и кого хотели), свадьбы детей, карьера, пенсия, похороны — таков нехитрый сценарий жизни человека — гражданина СССР 60–80-х годов двадцатого века. Сценарий мог разнообразиться импровизациями и случайностями, болезнями, разводами, поездками за границу, конфликтами на производстве и выигрышами в «Спортлото», но это лишь детали...

Отсутствие обусловленных «внутренними причинами» тревог и стра-

хов — не такой уж малый выигрыш. Культ безопасности создан людьми, живущими по правилам. Железные двери и сейфовые замки не защищают на самом деле их жилье, но создают иллюзию защищенности. Страховые полисы не предохраняют от болезней, травм и пожаров, но их наличие компенсирует страх перед внезапными бедами. Потери и беды также являются событиями ритуальной жизни: дети болеют, а родители умирают, машины попадают в аварии, а воры крадут кошельки, но все эти события не выходят за пределы событий жизни среднего «нормального» человека...

Люди, «живущие по правилам», — главная потенциальная клиентура психотерапевтов, психоаналитиков, экстрасенсов, колдунов и народных целителей. Порой кажется, что именно для описания их личности З. Фрейд создал классический психоанализ. Можно сказать и так: ортодоксальный психоанализ является теорией личности, адекватной для объяснения поведения людей, выбравших «жизнь по правилам». Сверхконтроль со стороны внутренних запретов над неправильным (а все естественное «неправильно»!) течением душевной жизни порождает постоянное внутреннее напряжение и конфликт...

Человек, «живущий по правилам», действует не в соответствии с социальным давлением, а порой вопреки ему. Я всю жизнь принадлежал к редкому в среде русских людей типу непьющих (ныне — малопьющих). Таков был мой выбор, соответствующий традициям нашей семьи. И я мог бы много и подробно рассказать о том, какое социальное давление

мне, «живущему по правилам», пришлось испытать в студенческом общежитии, в стройотрядах, в армии и на работе, не испортив при этом отношений с приятелями и сослуживцами!

За время развития цивилизации люди создали немало возможностей для того, чтобы у каждого желающего была возможность реализовать вариант «жизни по правилам». Ярким образцом этого является армейская служба. Вопреки обыденному представлению о том, что ее выбирают в основном активные, решительные, уверенные в себе молодые люди, армейскую службу предпочитают эмоционально чувствительные, с неустойчивой самооценкой, стремящиеся к подчинению, конформные личности.

Армия — структура, где должен править Устав и приказ командира (я не беру в расчет армию в период распада государства, когда она вырождается либо в совокупность уголовных банд, либо в скопище бомжей). Армия жива порядком и строгим подчинением нижестоящего вышестоящему. Дисциплина определяет должные способы поведения каждого по отношению к каждому. Для получения очередного звания или должности не надо прилагать сверхусилия. В армии существует понятие «выслуга лет» — представление к очередному званию является функцией от времени. Разумеется, можно достичь особых успехов в глазах начальства, но в этом есть риск: сослуживцы могут «подставить» выскочку, да и вообще — «инициатива наказуема». Действует железное правило: «не надо, как лучше, — надо, как положено»...

Как правило, в армии не надо совершать стратегический жизненный выбор, ибо жизнь офицера принадлежит государству и живет он от приказа до приказа. Начальство решает, где ему служить и в каких условиях, чем заниматься. Выбор, разумеется, есть, но он минимален...

Парадокс в том, что армия призвана не только жить по правилам, а воевать. Меньше всего должны быть заинтересованы в войне сами военнослужащие. Война сулит Славу и героическую смерть в обмен на регламентированную жизнь без забот. На войне надо принимать волевые и рациональные решения, идти на риски, при которых шансы уцелеть порой ничтожны. Нужно брать на себя ответственность за других и порой (что главное!) действовать исходя из обстоятельств, а не по инструкции. Хуже того, приходится для достижения общего успеха идти под угрозой трибунала наперекор глупым приказам начальства.

Все преимущества «жизни по правилам» с началом боевых действий рассыпаются в пыль. Человек погружается в грубую, страшную действительность, где от индивидуальной хватки, умения выжить и одновременно победить и не быть обвиненным в трусости зависит жизнь.

Другой вариант «жизни по правилам» — существование чиновника. Оно очень похоже на жизнь офицера, но без вероятности сложить голову по случаю или в бою. Жизненные преимущества меньше, но меньше и риски. Прохождение служебной лестницы также зависит от времени. Регламентированность отношений и поведения и обезличенность приветствуются: чиновник — это человек-функция.

Бюрократ, как винтик в огромном механизме, заменим на своем месте и должен выполнять те действия, которые предусмотрены должностной инструкцией. Не желающие вписываться в среду проявляют инициативу, занимаются реформами и реорганизациями, берут взятки и протезируют родственникам, любовницам и друзьям, т. е. превращают «жизнь по правилам» в «жизнь-временепреобразование». Как итог — структура, созданная для реализации «жизни по правилам», рушится и хоронит под своими обломками людей, народы, страны и т. д.

Но самый ранний вариант «жизни по правилам» — обычная традиционная средняя школа, где ребенок оказывается в 6–7 лет от роду. Пресловутая «готовность к школе» значит не более, чем способность и склонность подчиняться авторитету, жить по регламенту и выполнять задания согласно предписаниям. К школьной системе привыкают и ее любят, естественно, далеко не все, а дети с определенным типом способностей и личностных черт, которые преобразуются в личностный тип.

Жизнь — трата времени

Ничего не происходит. Можно проснуться утром не по звонку будильника, а когда угодно — можно спать и до обеда. Нет забот и обязанностей. На личном счете или в отцовском (материнском) кошельке есть деньги.

Или — по-другому. Карьера завершена, дети повзрослели, подрастают внуки. Дом пуст — все разъехались: кто в Сочи, кто — в Лондон. Можно включить телевизор или спуститься

вниз и посмотреть, может быть, принесли газеты. Хотя ты твердо знаешь, что еще рано: почтальон приходит в 9.00.

Или иной вариант. Муж на работе — у него «бизнес», за два года так и не поняла, чем он занимается. По расписанию — спортзал и бассейн, а до вечера 12 часов пустого времени, и сотовый, как назло, молчит...

Время кажется бесконечным и неиссякаемым, будущее — продолжением настоящего. Может быть, что как такового будущего нет, и оно никогда не настанет, есть только неизменное, не заполненное ничем настоящее. Жизнь превращается в трату времени. Человек ощущает себя нищим, которому неизвестно кто, неизвестно почему и за что отдал огромную сумму денег, а он не знает, куда ее деть. Перед его мысленным взором десятки лет, и ему кажется, что карман будет всегда полон звонкой монетой или зелеными купюрами.

Не заполненное событиями время не запоминается — факт, уже давно установленный психологами. Но, если время бесконечно, а событий не будет, ибо мир стабилен, единственный способ нарушить это равновесие — совершить действие. Для чего же действовать, если все под рукой и любое (почти любое) желание может быть удовлетворено? Нужно играть, развлекаться, имитировать жизнь, чтобы наполнить мир и время событиями и тем самым ощутить неощутимое время, зафиксировать собственную жизнь в памяти.

Субботный выезд за город на шашлыки включает в себя процесс согласования по телефону времени и состава компании, распределения

обязанностей: кто будет покупать мясо, а кто — выпивку. Надо собраться в назначенное время и в назначенном месте. А впереди длительные беседы ни о чем в пригородной электричке или в кабине автомашины. Разжигание костра, приготовление пресловутого шашлыка, его поедание с красным вином и душевными тостами — эта процедура продумана и опробована стократно и разыгрывается снова и снова. Процесс завершается игрой в волейбол или футбол, купанием в речке и пением песен под гитару, реже — танцами под магнитофон.

Отдых может быть и более активным. Процедура «времяпрепровождения» растягивается на несколько недель, например, если вы собрались отправиться в поход на байдарках (вариант путешествия, описанного Дж.К. Джеромом в повести «Трое в лодке, не считая собаки») или же на банальную зимнюю рыбалку. Удочки, крючки, прикормка и зимние тулупы — атрибуты готовятся задолго.

Поймать что-либо в 15–20-градусный мороз удается редко, но разговоры и вся процедура скрашивают отсутствие улова. Собственно, результат в этом случае не более чем символ с удовольствием проведенного времени.

Скука сама по себе может быть приятна и даже возведена в культ. Английское слово «сплин» было весьма модным в начале 20-х годов XIX века в кругу молодых, но уже «разочарованных жизнью» русских дворян, принадлежащих к высшему обществу. Им подражали дворянские отпрыски в провинции, титулярные советники, начитавшиеся Баратынского и Бестужева-Марлинского, уездные дамы и прочие. «Скучно жить на

этом свете, господа!» — так завершил одну из своих повестей Гоголь.

Может быть, люди, пережившие в XX веке ужасы мировых войн и революций, прошедшие сталинские «чистки» и концлагеря, видевшие ограбление и одичание миллионов, с радостью выбрали бы этот вариант жизни. Лермонтов, дитя начала XIX века, восклицал: «Как жизнь скучна, когда боренья нет!» Ах, юноша, юноша! Можно выбрать дуэль в ту эпоху, когда не ведут скопом на расстрел.

Жизнь против жизни

«Смерть мы видели каждый день и воспринимали ее очень буднично. Многие из нас были доведены до такого состояния, что убивали как автоматы, не разбирая даже, кто это — женщины, старики или дети. Нас послали туда — убивать ...

Когда я вернулся, то первое время носил в кармане кастет и финку. Мне все время казалось, что кто-то может напасть сзади. Если кто-то рядом делал резкое движение, я автоматически бил. Я до сих пор, идя по улице, прикидываю, как и с какой позиции расстрелял бы людей, которые идут впереди... какая-то доля жестокости во мне сохранилась. Нас учили не испытывать жалости, все было направлено на это, иначе бы мы не выжили... Если ты передашь кому-нибудь эту информацию, я откажусь от своих слов» (Дедовщина в армии. [Сборник социологических документов]. М., 1991, с. 144–145).

Это слова из интервью, которое дал социологу С. Мирзоеву молодой парень — студент МГУ, служивший в морской пехоте...

Там - садик для свиданий ^{руки твои} и ^{руки твои} темней, чем оконный проем,
 Там таблички на зданиях ^{на зданиях} знакомы, как имя твое,
 А ты ^{на себе} ^{ноу силой} возвращаешься,
 Как сумрачно ^{стало}
 В ^{Воздух В. религиозный} и ^{и спешим}
 Но ^{люди} ^{допустили} ^{стало} ^{у нас}
^{Подберу, что} ^{осталось} ^{что} ^{от}
^{ветерная} ^{спрятал} ^{хитро}
 И ^{уже} ^{узнаю} ^{свою} ^{старость}
 В ^{глазах} ^{пассажирок} ^{метро}
 А ^{но} ^{узнаю} ^{по} ^{лицу}
 И ^{на} ^{узнаю} ^{свою} ^{старость}
 И ^{уже} ^{узнаю} ^{свою} ^{старость}
 И ^{уже} ^{узнаю} ^{свою} ^{старость}
 Тоска

Черновик стихотворения

Я тебя потерял на портрете
 прозрачной и тихой зимы,
 Где любовь, как бессмертье,
 я брал напрокат и взаимы.

Здесь стоит непогода,
 а там отпускали покой
 Не по веку, по году,
 но ангельски щедрой рукой.

Там сады для свиданий
 темней, чем оконный проем,
 Там таблички на зданиях
 знакомы, как имя твое —

А сегодня под снегом вчерашним,
 как снег позабытый, стою
 В полусонном и страшном,
 но людям доступном раю.

Подберу, что осталось,
 что до времени спрятал хитро,
 Но уже узнаю свою старость
 в глазах пассажирок метро.

Но как будто я занял
 полжизни из жизни твоей
 И с надеждою замер
 у самых последних дверей...

Смутная тоска по утерянному раю будет преследовать человека всю жизнь. Но при каких условиях формируется раннее представление о мире как о враждебном и злом, как о постоянном источнике боли и страдания? Мир может быть чужим и холодным, неподатливым и неудобным, если мать не кормит и никто другой не проявляет заботы. И вместе с тем равнодушный мир — не всегда источник зла. Зло активно. И многие факты свидетельствуют о том, что причина восприятия мира как источника зла — в жестокости и насилии, которому в раннем детстве подвергается человек...

Малыш 2–5 лет (а то и совсем крошка) воспринимает окружающий мир в образе огромного, озверевшего, пьяного чудовища, которое оказывается его матерью или отцом, то есть порой единственно близким ему человеком. В этом страшном мире можно или погибнуть, или вступить с ним в неравную и жестокую борьбу на уничтожение.

Жизнь превращается в постоянную войну с источником страданий... самой жизнью. Страдание можно уничтожить двумя путями: разрушив внешний мир как источник страданий или умертвив самого себя. Болит только живое. Кроме того, можно отомстить людям (все они — враги, потенциальные палачи) и заставить их страдать дольше и сильнее, чем страдал сам. Но этот путь не решает проблемы, так как враждебный мир остается и остается жизнь как постоянное страдание.

Глобальная психологическая травма (я предпочитаю этот термин) — это катастрофа внутри индивидуального мира, микрокосмоса. Ее резуль-

татом являются выжженные пространства. В отличие от локальной психологической травмы она вызывает не невроз, фобию или манию, содержанием которых могут быть отдельные стороны жизни, а видоизменяет само отношение к жизни...

Насильственные преступники (этот факт отмечают многие криминологи) способны действовать только на физическом уровне, во «внешнем плане действия», и я бы добавил — «во внешней жизни». Они не способны психологически компенсировать нанесенную обиду, поскольку внутренний духовный мир у них обеднен. Духовная жизнь упрощена, «одномерна», бледна и невыразительна. Там присутствуют лишь темные и серые тона, огромное место занимает раздувшееся от психической боли, как нагноившаяся конечность, личное Я, которое захватывает в свою орбиту все, чего касаются интересы личности: собственность, группы, женщины (с которыми он может быть едва знаком) и т. д. Все это защищается от угроз со стороны страшного мира, где живут злые, мерзкие люди. Этот мир занимает очень небольшое место в психическом пространстве личности насильника и убийцы, но и оно должно принадлежать Я.

Ввиду слабо развитых внутриспсихических механизмов психологической защиты и переработки эмоциональных травм победить страшный и ненавидимый мир можно только внешним действием. Насильственный преступник живет только «внешней жизнью», «жизнь внутренняя» для него недоступна. Даже предметы, мастерски изготовленные заключенными, подтверждают этот вывод: это

искусно воспроизведенные образцы, но среди них практически не встречаются оригинальные поделки. Тем более нет высокохудожественных текстов, изобретений, открытий.

**«Экзистенциальный конструктор»,
или
Жизнь как предмет творчества**

Свобода выбирать или сконструировать собственный стиль жизни — достижение постиндустриального, информационного общества. Жизнь превращается в творческий процесс пересоздания самой жизни. И, разумеется, многие «кустарные» попытки создания собственных вариантов бытия несравнимы с легкой возможностью выбора этих вариантов, как несопоставимы по качеству автомобиль-самоделка и «Мерседес» класса SL.

Индустрии «вариантов жизни» противостоит не только индивидуальное, но и групповое конструирование. Две среды его реализации — молодежная субкультура и субкультура людей пожилого возраста. И те, и другие находятся за пределами «настоящей жизни»: одни — еще, другие — уже. На мой взгляд, до сих пор попытки создания новых «вариантов жизни» были малоуспешными. Движение «битников», «хиппи», «панков» характеризуются не только внешней атрибутикой, действиями и некоторой «идеологией», но и психологическим подходом к жизни.

Но выходят ли эти подходы за пределы уже выделенных здесь, в этой книге вариантов? Субкультура хиппи, связанная с культом наркотиков и измененных состояний сознания, секса, творчества и пассивного неприятия жизни как борьбы, несомненно, является вариантом «жизни-ухода» («жизнь есть сон»). «Панки», агрессивные и не скрывающие свою деструктивность, воплощают своим поведением «жизнь-борьбу» (см. главу «Жизнь против жизни»)...

Поблагодарим судьбы и случай, который забросил нас в этот крохотный участок «пространства—времени», в эпоху, когда можно — я надеюсь — думать, говорить и действовать в соответствии со своими желаниями и способностями, не рискуя многим, когда можно созидать свою уникальную жизнь. Иногда позволяют жить только по канону, полностью воспроизводя написанный кем-то сценарий. Бывают времена, когда допустимы вариации жизненного пути в пределах заданной темы.

В самые лучшие эпохи допускаются и приветствуются импровизация, вольность мыслей и поступков в рамках правил. Творчество царит тогда, когда людям нужны новые правила жизни. Но когда жажда перемен сочетается с отсутствием ответственности и на авансцену выходит своевольное Я, творчество перерастает в абсурд.

Канон — вариация — импровизация — творчество — абсурд: есть выбор!